

УДК 101.1:316

**ПОМНИТЬ ИЛИ ЗАБЫВАТЬ: РАЗМЫШЛЯЯ
НАД РОМАНОМ МИЛАНА КУНДЕРЫ «НЕВЕДЕНИЕ»***Е.Н. Костина***Аннотация**

Статья посвящена проблеме отношения человека к своему прошлому и истории, исследованию роли памятования и забвения в формировании идентичности. Осуществляется попытка ответить на вопрос, является ли актуальным для современного человека «принцип памятования», согласно которому для сохранения идентичности необходимо помнить и принимать своё прошлое. В этой связи плодотворным оказывается обращение к роману чешского писателя-прозаика Милана Кундеры «Неведение», анализ которого позволяет сделать вывод о том, что основой идентичности, целостности личности выступает правильное памятование, заключающееся в признании своего прошлого, своей истории как условия гармоничного существования в настоящем.

Ключевые слова: прошлое, память, забвение, идентичность.

Герой фильма «Помни», вышедшего в прокат в 2000 году, Леонард Шелби (Гай Пирс), страдающий редкой формой амнезии (антероградной амнезией – не просто однократной потерей памяти, а фактически ежеминутной её утратой), дабы сохранить хоть малейшие следы прошлого (следы «вчера»), вынужден делать татуировки на собственном теле. Он жаждет помнить, потому что без вчера, как известно, невозможно завтра. Но парадокс заключается в том, что он помнит всё, что произошло до трагедии с его женой, и главной целью его жизни становится поиск её убийцы.

Человек, страдающий потерей памяти, бывает героем не только полнометражных кинолент: редко встретишь мильонную оперу, которая не включала бы сюжета о том, как главный герой в результате непреодолимых обстоятельств теряет память и как бы вновь, с чистого листа начинает знакомиться со своей жизнью, возвращать себе своё прошлое.

И здесь зритель, как правило, жаждет конфликта. И ожидаемый хеппи-энд, который, казалось бы, расставит всё по своим местам (к герою возвращается память, и он вновь становится самим собой, живёт в ладу со своим прошлым), не удовлетворит зрителя. Нет, герою приходится именно справляться со своим прошлым, память возвращается помимо его воли, и это возвращение, как правило, мучительно и страшно. В его прошлом непременно есть события, о которых не очень хочется вспоминать. Поэтому воспоминания становятся встречей и борьбой с самим собой, вынужденным примирением.

Итак, перед зрителем человек без памяти, а значит, человек без прошлого. Им интересуются не только кинорежиссёр, писатель и иные деятели искусств, наблюдающие за тем, как он справляется с головоломками социальной реальности, в которую погружён. Им интересуются не только врач-психотерапевт, психоаналитик и иные исследователи глубин человеческой психики, ломающие голову над тем, как его вылечить и вернуть ему, больному, утраченную память. Человеком без прошлого интересуется ещё и философ, поднимающий вопрос об «амнезии», о забвении до надындивидуального уровня.

Так, философ изучает человека без памяти как человека, потерявшего свою идентичность. Он рассматривает Леонарда Шелби не только как художественный образ, созданный режиссёром и сценаристом, но и как социальный тип современности, позволяющий раскрыть проблему человека в ситуации потери идентичности через диалектику личного и общественного, социального и метафизического.

Философа интересует, что значит быть человеком без прошлого. Не является ли столь пристальный интерес к проблематике памяти («широкий спрос “на прошлое”» [1], «эпоха коммемораций» [2]) сегодня явным доказательством того, что современный человек мыслит себя только в будущем, в проекте (даже и в проекте «глобального памятования»)? Сегодня память (как личная, так и коллективная) становится не только невероятно популярной темой исследования, но и предметом политических манипуляций, что, как полагают учёные, является явным симптомом её утраты. Ведь ищут, как правило, то, что потеряно. Так не являемся ли все мы, современные люди, людьми без прошлого? Поколением, потерявшим свою идентичность?

Эти вопросы, и впрямь кажущиеся чересчур патетическими, не лишены тем не менее эвристического потенциала. Философ может позволить себе задаваться подобными вопросами, не рискуя показаться смешным, поскольку в большом поиске легче найти маленькую истину.

Но верно и то, что к большому приходят через малое. И, если не выбрать предмет исследования, пример, вокруг которого будет разворачиваться размышление над интересующими нас вопросами, мы рискуем рассуждение наше о памяти и её отношении к забвению завершить на постулировании давно известной истины: «память – основа идентичности, поэтому необходимо помнить всё»¹.

Это действительно самое распространённое мнение относительно отношения памяти и идентичности. Верна ли позиция, согласно которой правильное функционирование идентичности основывается на правильной работе памяти – на её непрерывности? И в самом ли деле разрыв в сцепке *прошлое – настоящее – будущее* ставит идентичность под угрозу?

Но что если человек² сам, сознательно стремится забыть своё прошлое? Что если забвение становится желанным? Что если герой сериала попросит своего врача выписать лекарство не для, а *от* памяти? Что будет тогда с ним?

¹ Здесь важно прояснить: всё из личного прошлого или всё из прошлого, к примеру, своей страны? Безусловно, ответ на этот вопрос зависит от того, о какой идентичности мы говорим: о личной или о национальной. В рамках нашей статьи мы решили рассмотреть идентичность, не дифференцируя этот феномен, поэтому ниже нами будут затронуты оба аспекта этого вопроса.

² И (или) национальное сообщество.

История знает примеры стремления к забвению. Первые десятилетия после II Мировой войны – время, когда немцы стремились предать забвению события Холокоста (П. Рикёр назвал бы это стремление «психопатологией задержанной памяти»). Тенденция к отказу от прошлого наблюдается и в национальном обществе современной России, из коллективной памяти которого всё больше стираются следы Советского Союза.

Но мы продолжим наше размышление. Тем малым в нашем большом поиске будет фигура эмигранта, человека (гражданина своей страны), вынужденного оставить свою родину. В период великих потрясений человек, как никогда, испытывает на себе влияние Истории. Именно в трагические моменты (когда личная история неразрывно переплетается с историей народа) снимается вопрос о соотношении личной (индивидуальной) и коллективной памяти, приоритета памяти над забвением (или наоборот), личной и коллективной ответственности. Бифуркационные точки³ исторического процесса превращают личное и коллективное в сплав, становятся точкой их соединения и, очевидно, детерминируют «всплеск» идентичности, колоссальное усиление её влияния на человека.

«В августе 1968 года русская армия захватила страну... Никогда страна не была до такой степени отечеством, чехи – до такой степени чехами» (Н., с. 45), – пишет Милан Кундера в романе «Неведение», изданном в том же году, в котором увидел свет фильм «Помни».

Именно к этому роману мы и обратимся. Во-первых, потому, что феномены эмиграции и возвращения («Великого Возвращения») становятся лейтмотивной темой «Неведения», во-вторых, потому, что художественное произведение как таковое, в отличие от философского трактата или, к примеру, от научной статьи, – пространство, в котором нет места научным условностям. Здесь в художественном образе могут органически переплетаться личная и коллективная память, история Одиссея и современность; здесь философская проблема не раскрывается в точных понятиях, что в контексте нашего рассуждения позволит избежать погружения в методологическую проблематику⁴ и более полно отразить диалектику личного и коллективного, индивида и истории.

События романа разворачиваются в посткоммунистической Чехии – вернее сказать, в посткоммунистическом мире. Эмигрировавшая во Францию после 1968 года⁵ Ирена по прошествии 20 лет жизни вдали от места, где она родилась (от Родины?), возвращается в Чехию. В аэропорту она встречает Йозефа, также после эмиграции впервые решившего посетить родную страну, где захоронены его родители и где живёт с женой его брат.

Мы, наверное, будем не совсем правы, если скажем, что герои романа – люди, предавшие забвению своё прошлое. Вовсе нет. Память сама настигала их повсеместно: «...Перед ней то и дело возникали пейзажи родной страны. Нет, то не были сознательно вызванные, нескончаемые видения, то было совсем

³ Бифуркация (в социальной синергетике) – процесс перехода общественной системы от одной формы организации к другой, характеризующийся качественными изменениями в структуре элементов системы, наличием альтернативных путей её дальнейшего развития.

⁴ Одним из основных вопросов в исследовании памяти является вопрос о правомерности, методологической и эвристической ценности заимствования методов исследования памяти индивида в исследовании памяти коллективной.

⁵ Воздержимся здесь от интерпретации событий этих лет.

другое: обрывки пейзажей вспыхивали в памяти неожиданно, порывисто, быстро и тотчас угасали» (Н., с. 18). Они помнят, но память при этом как бы помнит за них. Мы не ошибёмся поэтому, если осмелимся утверждать, что герои романа – люди, осознанно стремящиеся забыть своё прошлое. Забвение – вот что преследует их, не даёт им покоя.

М. Кундеру интересуют причудливые игры памяти и забвения (вот почему для нас этот роман стал призмой, через которую рассматриваются проблемы соотношения прошлого, памяти и забвения). И если образ Ирены открывает нам диалектику индивидуальной истории и истории страны, игру индивидуальной памяти на фоне коллективной, то образ Йозефа – иллюстрация отношения индивидуального настоящего к индивидуальному прошлому.

Вот почему автор романа сталкивает Ирену с чешскими женщинами (предпочитающими по чешским традициям пить не вино, а пиво и совершенно не интересующимися её жизнью во Франции), то есть с культурой и ценностями её страны, а Йозефа – с самим собой (Йозеф рвёт дневник, написанный им в пору, когда он был гимназистом).

Нежелание Ирены принять своё прошлое, осуществить сознательное с ним примирение, её стремление оставить «прошлое в прошлом» порождает перманентное состояние беспокойства, странной нервозности. Очень метким в этом контексте будет выражение «она не находит себе места», и встреча с Йозефом, по её мнению, судьбоносная, оборачивается шуткой, которую сыграла с ней память: в конце их романа Ирена с отчаяньем узнаёт, что Йозеф не знает её имени, не помнит (совсем не помнит!), кто она такая.

Рассуждая над поведением своего героя, читающего написанный в гимназическую пору дневник, Кундера размышляет над соотношением феноменов истории и памяти. Память, пишет он, «способна удержать из прошлого всего лишь ничтожно малую частицу... даже самые объёмистые архивы не в силах тут помочь» (Н., с. 121). Память Йозефа почти не сохранила образов тех лет, когда писался им этот дневник. Архив (дневник) полон событий и чувств, память – пуста. Но память, как нам представляется, и есть то место, в котором живёт прошлое. Что есть моё прошлое, если не то, что я о нём помню (или то, что я о нём хочу вспоминать)? И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу: а что если я не помню и не хочу помнить? Значит ли это, что у меня нет прошлого? У меня есть история-архив (дневник), но нет воспоминаний. А если я, следуя примеру Йозефа, уничтожу этот архив? Эти вопросы мы вновь оставим без однозначного ответа.

Проводимая автором параллель между Великим Возвращением Одиссея на Итаку и возвращением в Чехию Ирены и Йозефа ставит перед ним вопрос: «Мыслима ли нынче “Одиссея”? Уместна ли ещё в нашу эпоху эпопея возвращения?» (Н., с. 53). Этот вопрос, сугубо философский по своему содержанию, включает в себя несколько чрезвычайно интересных тем для обсуждения.

Во-первых, это проблема различия классического и неклассического понимания соотношения памяти и забвения⁶. Память, согласно классическому пониманию, является основанием тождества личности. Память об Итаке, страстное

⁶ Такое разделение, конечно, условно. Однако базируется оно на принципиальных отличиях в понимании соотношения феноменов памяти и забвения. Классическая парадигма рассматривает память как ментальное хранилище, которое оберегается от разрушительной силы забвения [3], неклассическая концепция

стремление вернуться домой стали для Одиссея смыслом его жизни, на протяжении всего странствования Одиссей оставался тем, кем он был в Итаке. Говоря современным языком, он сохранял свою идентичность в целостности, оберегал её, храня память о родном крае.

Ирена и Йозеф – представители «нашей эпохи», своё возвращение великим они не мыслят. Напротив, они его страшатся, потому что за время долгого странствования стали совершенно иными, они, словно больные, по меткому выражению М. Кундеры, страдают «ностальгической недостаточностью» (Н., с. 72). М. Кундера подчёркивает тем самым, что память потенциально присутствует в жизни его героев, но она как бы «затаилась», спрятана, вытеснена из их настоящего.

Но если никто не может заставить Йозефа восполнить пробелы в его прошлом, вызубрить, к примеру, дневник, если никому нет дела до того, что он «вырывает чистую страницу из дневника, берёт карандаш и *переписывает* фразу» (Н., с. 81), и никто, пожалуй, не станет упрекать его в том, что он никак не может понять, «в чём же состоит эта общая субстанция, которая делает единым существом его и этого сопляка» (Н., с. 82) (того, что писал дневник), то с его отношением к истории Чехии дело обстоит иначе. Жена Йозефа часто говорила мужу о том, что не ехать в Чехию было бы с его стороны «ненормально, неоправданно, даже некрасиво» (Н., с. 135). Сильвия, подруга Ирены, едва ли не упрекает её в том, что «в пору великих потрясений» она не планирует вернуться на Родину.

И здесь мы можем сказать, что, во-вторых, перед нами возникает вопрос о памяти-долге. В книге «Память, история, забвение» Поль Рикёр помимо иных видов памяти различает память травмированную (патолого-терапевтический уровень памяти) и память-долг (этико-политический уровень). «Настало время ввести новое понятие, понятие долга (*dette*), – пишет Поль Рикёр, – которое важно не ограничивать понятием виновности. <...> Мы обязаны тем, кто предшествовал нам, за то, какие мы есть, кто мы есть. Долг памяти не ограничивается сохранением материального – письменного или какого-либо иного – следа свершившихся фактов; он включает в себя чувство обязанности по отношению к другим» [4, с. 128]. Эти два вида памяти удивительным образом находят отражение в романе М. Кундеры. Долг – вот что движет Иреной и Йозефом, возвращающимися в Чехию. Но долг не как осознанное требование к себе, а как принуждение. И именно память, понимаемая как императив, навязанный извне, становится источником внутриличностного конфликта героев, показанных не способными к искренним, открытым взаимоотношениям с окружающими их Другими людьми.

Рассматривая патолого-терапевтический уровень памяти, Поль Рикёр прежде всего имеет в виду память о событиях, которые оказались настолько травмирующими, что воспоминания о них чаще всего оказываются вытесненными. Не случайно ему на помощь приходит теория Зигмунда Фрейда, ведь именно Фрейд полагал, что прошлое пациента, забытое «неправильным» способом, – причина его невротического состояния в настоящем. Для того чтобы травмирующее прошлое не оказывало губительного влияния на настоящее вспоминающего

видит в забвении обратную сторону памяти, обладающую позитивным потенциалом (Ницше), особый предмет исследования (Фрейд).

субъекта, оно должно быть «проработано», проговорено, «вспомнено», а значит – исключено из пространства забвения. Йозеф не желает вспоминать. М. Кундера вводит понятие (вернее, понятие-образ) мазохистской памяти: «таков закон мазохистской памяти: по мере того, как отрезки жизни погружаются в забвение, человек избавляется от всего, чего не любит, и чувствует себя более легко, более свободно» (Н., с. 74). Йозеф выстраивает своё настоящее, стремясь порвать со своим прошлым.

Судьбы Ирены и Йозефа, таким образом, обнажают важнейшие философские проблемы, в последнее время обретающие всё большую актуальность: диалектику памяти и забвения, соотношение истории и памяти, трагедию человека, потерявшего идентичность и не желающего вновь её обрести, трагедию человека без прошлого. Конфликт долга памяти и желания предать забвению своё прошлое – конфликт глубинный, характерный для современного человека вообще. И здесь мы вправе говорить не только об эмигранте, избранном по примеру М. Кундера отправной точкой размышления, а о человеке современности вообще, не стремящемся привязывать себя к традициям и ценностям своего прошлого и прошлого национального сообщества, к которому он принадлежит.

Идентичность коренится в памяти, забвение губительно для неё – таков классический взгляд на соотношение памяти и идентичности (Одиссей всегда и везде оставался царём Итаки). Человек, стремящийся предать забвению своё прошлое (герои «Неведения»), рискует потерей идентичности, расщеплением целостности связки *прошлое – настоящее – будущее*, а следовательно, потерей представления о непрерывности, связности своего существования. Этот взгляд на соотношение памяти и забвения сегодня разделяют далеко не все. В самом деле: может быть, от прошлого всё же можно или даже нужно отказаться? Современному человеку ни к чему бремя прошлых поступков и размышлений об истории своего государства и её влиянии на его собственную судьбу и историю его семьи.

Коль скоро мы выстраиваем рассуждение вокруг художественных произведений, то и ответ на уже неоднократно заданные нами вопросы нужно искать в них. Не помни Леонард Шелби того, что произошло до и во время трагедии с его супругой, имел ли бы он хоть какую-то цель в жизни, обречённой на перманентное забвение? Скорее всего, нет. Именно прошлое, именно воспоминание о «бифуркационной точке» в истории его жизни делает его существование в настоящем наполненным смыслом. Не свидетельствует ли в пользу непреходящей актуальности тезиса о том, что память есть хранительница прошлого и идентичности, концовка романа Милана Кундера, в которой практически все герои не обретают ничего, кроме одиночества (Ирена остаётся покинутой и обманутой, Йозеф возвращается к своему одинокому существованию в Дании)? На примере героев романа М. Кундера показывает, к чему могут привести опасные игры с прошлым, желание выстроить новую идентичность в условиях «неправильного» отказа от прошлого.

Как ни парадоксально, но отказаться от прошлого, предать его забвению можно только при том условии, что оно сохранено в памяти, только при том условии, что настоящее с прошлым находятся в состоянии примирения. Для того чтобы забыть, нужно иметь мужество помнить и принимать своё прошлое, и только в этом случае забвение не станет патологией.

Summary

E.N. Kostina. To Remember or to Forget: Reflecting on “Ignorance”, a Novel by Milan Kundera.

The article deals with the problem of the attitude of a person towards their past and history, and the study of the role of remembrance and oblivion in the formation of human identity. An attempt is made to answer the question whether the principle of remembrance, according to which it is necessary to remember and accept the past to preserve identity, is appropriate to a modern person. Thereupon, it is found fruitful to consider the novel “Ignorance” written by Czech prosaic Milan Kundera. The analysis of this novel allows us to draw the following conclusion: the basis of the identity and integrity of a person is a right remembrance, which consists in the acceptance of their past and history as a condition for harmonious existence in the present.

Keywords: past, remembrance, oblivion, identity.

Источники

Н. – *Кундера М.* Неведение. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 192 с.

Литература

1. *Шурек Ж.-Ш.* Память и тоталитаризм: французские дебаты // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2 (22). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html>, свободный.
2. *Нора П.* Расстройство исторической идентичности // Мир истории. – 2010. – № 1. – URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>, свободный.
3. *Лебедева Г.В.* Память и забвение как феномены культуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2006. – URL: <http://elag.urfu.ru/bitstream/10995/943/1/urgu0424s.pdf>, свободный.
4. *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.

Поступила в редакцию
14.09.12

Костина Екатерина Николаевна – аспирант кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: kostina2010@inbox.ru, o90@rambler.ru